

ОЛЕГ ПРЯНИЧНИКОВ

Моя женщина

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

Олег Пряничников

Моя женщина. Повести и рассказы

«Издательские решения»

Пряничников О. Е.

Моя женщина. Повести и рассказы / О. Е. Пряничников —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-835367-3

Тут и мистический детектив, и простые жизненные истории, драма на крови и незамысловатые иронические рассказы. Есть повод и задуматься, и просто посмеяться, отдыхая душой...

ISBN 978-5-44-835367-3

© Пряничников О. Е.
© Издательские решения

Содержание

Пользователь	6
1	6
2	7
3	8
4	9
5	10
6	11
7	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Моя женщина
Повести и рассказы
Олег Евгеньевич Пряничников

© Олег Евгеньевич Пряничников, 2016

ISBN 978-5-4483-5367-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пользователь

1

Паденин был отвратительно пьян. Ввалившись с шумом в свою запущенную холостяцкую однушку, он зажёг в прихожей, а потом в комнате свет. Плюхнулся в чём пришёл на обшарпанный, обтянутый пёстрым флоксом диван без накидки. Вокруг левого глаза Паденина назревал огромный фиолетовый синяк, из нижней губы сочилась алыми капельками кровь.

Поход в ночной клуб на сей раз получился неудачным. Ещё и по морде схлопотал! Нет чтоб сделать всё как обычно: покутить, снять проститутку, а после отправиться с нею к себе и покувыркаться!.. Нет, в этот раз Паденин захотел, ну нет, не сэкономить, он пожелал, чтоб секс впервые в его жизни случился без денег, по взаимной, так сказать, тяге и симпатии. Началто он вроде бы правильно: пригласил девушку на медленный танец, поболтал с нею, предложил выпить. За стойкой бара позвал её к себе домой. Девушка отказалась. Ну, какая же приличная девушка не откажется? Пригласи её Паденин чуть позже или пригласи не сегодня, а на следующий день, или, в крайнем случае, переключись он на другую красотку, дело пошло бы иначе. Какое там! Нахлебавшись виски, Паденин нагло осведомился у девушки, что почём, то есть сколько она стоит. Само собой, та возмутилась. Пьяный Паденин проявил настойчивость. Девушка раскричалась. Перед лицом Паденина выросли фигуры вышибал-заступников. Печальный итог: ноль половой близости с противоположным полом и попорченная физиономия.

В руке Паденин обнаружил початую бутылку виски – принёс с собою. Приложился к горлышку. Разбитая губа отозвалась болью.

«Господи, – с обречённостью подумал он. – Ненавижу людей!»

«Рыжий-рыжий, конопатый, убил дедушку лопатой!» – почему-то всплыла в его мутной голове дразнилка из детства.

«Нет, дедушку я как раз не убивал, он свой смертью умер, от старости. А вот папаню с маманей...»

Паденин ухмыльнулся. На ум ему пришёл один жизненный эпизод. Пожалуй, нормальному человеку понять это нельзя. Ему, пятнадцатилетнему подростку, отец с матерью не купили компьютер. В отместку он поджёг дачный домик, где мирно спали родители. Огонь! Огонь! Много огня! Со злостью Паденин запустил выпитую наполовину бутылку в стену. Та со звоном разлетелась вдребезги. В стену заколотили разбуженные соседи.

– Пошли к чёрту! – заорал Паденин. – К дьяволу!

Закатив пьяные зрачки к потолку, он вдруг громко заскулил:

– Господи! Ну почему у меня нет ни большой власти, ни богатства?! Господи, почему это ты дал и даёшь другим, но только не мне?!

Ненависть, всепоглощающая, можно даже сказать – демоническая ненависть, не только к людям, но и к богу, наполнила душу Паденина. И вдруг его осенило. Слезы перестали душить, а в зрачках, кроме хмеля, появился хитрый блеск.

– Господи, а почему я обращаюсь только к тебе? – сквозь зубы с вызовом прохрипел Паденин. – Дьявол! Я не знаю, есть ли у меня душа, но, если она есть, забери её у меня. А взамен дай мне такие силы, при помощи которых я смогу исполнять все свои тайные помыслы. Сделай это, умоляю тебя! – выкрикнул он последние слова и, сражённый наконец алкоголем, заснул.

2

Проснулся он спустя много часов: проспал ночь, утро и день. Что снилось ему? Он не помнил, но подозревал, что что-то страшное, связанное с... адом. За окном начинало темнеть: душный июльский день переходил в вечер. Паденин поднялся с дивана и, качаясь, отправился в прихожую, к круглому пыльному зеркалу, над коим продолжало светить простенькое бра. Он решил осмотреть себя. Сочный синяк вокруг глаза обезображивал и без того неприглядное, похмельное лицо. «Рыжий-рыжий, конопатый, убил дедушку лопатой!» Детская дразнилка не вылезала из его чугунной головы.

– Сдаётся мне, – сказал Паденин с сарказмом, сухими, опухшими губами, – дьявол тоже рыжий. Хе!

Вдруг в зеркале вместо своей помятой и побитой рожи он увидел ещё более омерзительную морду неизвестного ему зверя с гипнотизирующими взглядом глаз стального цвета. У Паденина перехватило дыхание. Испугавшись, он отшатнулся – но и только! Неведомая сила сковала его, заставила смотреть в зеркало.

– Смотри-и... – змеиным голосом прошипела морда и пропала. Вместо неё возникло усеянное веснушками лицо пяти- или семилетнего мальчика с непокорным рыженьким чубом.

– Это же я! – удивлённо выдохнул Паденин.

Тут же лицо мальчика сменилось в зеркале лицом подростка. Следом возникло лицо возмужавшего парня.

– Таким я из армии вернулся! – узнал себя радостно Паденин.

Потом появилось его нынешнее побитое лицо – тридцатидвухлетнего неудачника. Неожиданно оно на глазах повзрослело лет на десять, затем стало пожилым, постарело ещё, и вот оно уже совсем старенькое, морщинистое.

– Что всё это значит? – почувствовав вновь свободу в движениях, Паденин запаниковал. – У меня что, глюки? – Он ощупывал свою отнюдь не старческую кожу и во все глаза таращился на седого старика в зеркале.

Старик почему-то заговорщицки подмигнул. Подмигнул и испарился. И снова в зеркале возникла уже знакомая звериная морда с холодными, пронзительными глазами.

– Пользуйся, – сказала морда тем же нечеловеческим голосом и тоже исчезла.

– Пользоваться? Чем? – прошептал в недоумении Паденин.

И тут, глядя в зеркало, он вновь удивился: раны на его лице в несколько секунд зажили, а вскоре от них не осталось и следа, и даже отпечатков похмельного синдрома не стало. Лицо Паденина растянулось в улыбке. Отпугивающей, чудовищной улыбке...

3

Полный мужчина, стоя у банкомата, снимал крупную сумму денег с банковской карточки. Вот он вынул из банкомата деньги, затем карточку и открыл своё портмоне. Пухленькая пачка пяти тысячных никак не хотела укладываться в отдел для бумажных купюр. Мужчина потел и досадно чертыхался. Наконец, он уложил деньги и облегчённо вздохнул.

Место, где находился банкомат, было людным: рядом располагался большой магазин, который ещё был открыт, да и ночь ещё не вступила в свои права. Полный мужчина не боялся, что его могут ограбить. К тому же его машина была припаркована недалеко. Запихав деньги в портмоне, он пристроил в него и банковскую карточку. Закрыв портмоне, он уже собирался было убрать его во внутренний карман пиджака и отправиться к своей машине, как его окликнул дребезжащий, старческий голос:

– Молодой человек, подайте бедному пенсионеру на пропитание.

Полный мужчина растерянно обернулся.словно из-под земли перед ним вырос сухонький старичок, опирающийся на деревянную трость. Старик выглядел настолько жалким, что мужчина сжалился над ним и вновь открыл своё портмоне. Он стал рыться в нём, ища мелкую купюру. А старичок тем временем приблизился к нему настолько близко, что мужчина почувствовал его запах, идущий изо рта, – запах перегара. Понятливо усмехнувшись, полный мужчина наконец выцарапал сотенную купюру и протянул её старичку. Но тот не взял купюру, а вместо этого в мгновение ока проворно выхватил портмоне из рук мужчины. Мужчина от удивления разинул рот.

– Эй, старик, ты это, не шути так, – угрожающе выдавил из себя полный мужик. Он начал наступать на старика. А старичок пятился-пятился задом, потом развернулся – и как сиганёт! Мужчина бросился за ним. «Люди, ограбили, помогите, остановите старика!» – пыхтя, кричал он на ходу, но желающих помочь ему не нашлось.

Старик легко свернул за угол дома, вдоль которого бежал. Полный мужчина, задыхаясь, прибавил скорости и тоже свернул за этот самый угол. Свернул и остановился как вкопанный. Старика, насколько хватало глаз, нигде не было видно. Ни души! Только фонари, что зажглись совсем недавно. Впрочем, какой-то паренёк, лет четырнадцати-пятнадцати, жался спиной к одному из фонарей. Полный мужчина поспешил к подростку.

– Слышь, паренёк, ты тут старичка с палочкой не видел?

– А что произошло, дяденька? – вопросом на вопрос ответил рыжий паренёк.

– Он у меня деньги украл! – выпалил раздражённо мужчина.

– Уж не эти ли? – Подросток завертел перед носом мужика портмоне, из которого торчали красные концы пяти тысячных купюр.

– Это же мой кошелек! – опешил полный мужчина и только теперь заметил, что подросток одет точно так же, как тот старичок. Да вот и знакомая деревянная трость!

– Пока, дяденька, – бойко попрощался паренёк, загоготал и дал стрекача вдоль домов.

– Пока, – пролепетал полный мужчина, не смея тронуться с места.

А дикий хохот подростка продолжал ещё долго сотрясать город.

4

Июльское солнышко оранжевым крылом освобождало город от ночной теми. Предвещая жару, оно быстро высушивало крыши и асфальт, всполоснутые ночью непродолжительным дождём. Весело зачирикали птички. А вот и заурчали двигатели заводимых машин. Будний город просыпался.

Зайдя в зелёный от насаждений сквер, дворничиха баба Клава с явным неудовольствием приступила к своей однообразной работе. Нехотя она начала мести метлой центральную аллею и, не стесняясь в выражениях, стала (как обычно) высказывать вслух своё мнение о некультурных людях, бросающих мусор и «бычки» не в урны. Вдруг у кромки асфальта она обнаружила женскую модную туфельку золотого цвета.

– Почти новая, – оценила баба Клава. Подобрал, он завертела в руках туфельку. – От люди! С жиру бесятся, новыми туфельками разбрасываются! – громко посетовала она и тут же тихо, мечтательно-лукаво добавила: – Эх, мне бы ещё вторую найти, размерчик-то внучкин.

Баба Клава решила получше осмотреться. На мгновение ей показалось, что из-под большого куста акации блеснул знакомый каблучок. Она устремила к нему, приподняла густые ветви акации и... закричала что есть мочи:

– Ох-х-х!!! Кто-нибудь! Поли-и-ици-и-и-я-я-я!!!

В ложбинке, на отутюженной траве лежала девушка с одной туфелькой золотого цвета на ноге. Вторую из трясущихся рук выронила дворничиха баба Клава.

5

Прибывшая полиция тут же оцепила сквер, в котором произошло убийство девушки. В отличие от оцепления, следственная группа в штатском была небольшой. Возглавлял её старший следователь, майор полиции Игорь Николаевич Зацепин. Отпустив перепуганную бабу Клаву, он теперь выслушивал медэксперта.

– Ну что я могу сказать? – Худющий медэксперт поправлял круглые очки. – Смерть наступила этой ночью, в первой половине. Девушку сначала ударили по голове, по затылку, тупым предметом. Затем, скорее всего, судя по нижней одежде, изнасиловали, ну а потом задушили.

– Чем?

– Судя по следу на шее, то ли палкой, то ли веткой какой. Придавили к земле.

– А почему ты решил, что её убили в первой половине ночи?

– Всё банально, Игорь Николаевич: часики на её руке остановились, о камень ударились, показывают два часа. Остальные подробности будут в моём отчёте после дальнейшей экспертизы.

– Спасибо, Паша. Буду ждать отчёта. – Зацепин пожал костлявую руку медэксперта. – Нашёл что-нибудь? – Он обернулся к спешившему к нему лейтенанту Меркулову, у которого под мышкой была зажата его неизменная кожаная папка коричневого цвета, а ещё он нёс золотистую дамскую сумочку.

– Нашли! Нашли, Игорь Николаевич! Вот. Сумочку нашли. – Меркулов победоносно продемонстрировал золотистую сумочку небольшого размера. – Содержимое будем сейчас смотреть? Или потом?

– Давай взглянем.

Меркулов распахнул сумочку.

– Так, что тут у нас? Пачка сигарет, косметика разная, доллары: вижу три банкноты по двадцать долларов. В кармашке – зажигалка. Всё.

– Закрывай, – велел Зацепин. – Значит, что получается? – рассуждал он вслух. – Драгоценности, то бишь колечко, серёжки и цепочка с крестиком, остались на жертве, деньги не тронуты. Значит, что получается?

– Изнасилование одним или несколькими лицами плюс убийство, – подытожил лейтенант Сергей Меркулов и брезгливо поёрзал могучими плечами.

– Мда-а...

Игорь Николаевич тяжело вздохнул. Похоже, преступление непростое. А тут ещё дочь (год назад закончила десятилетку) проблемы создаёт, выросла, понимаешь... Так ведь тоже: с двенадцати лет росла его Вика без матери, царствие ей, Людмиле, небесное, погибшей на сороковом году жизни в нелепой автокатастрофе: таксист, посадивший её, оказался под хмельком и врезался в МАЗ. А он, отец, сначала много воевал, потом много работал, да и теперь... Кому воспитывать было? На кого пенять нынче?

«Работа, адова работа... Парня бы хорошего моей Вике, раз уж в институт поступать не желает, – с грустью и в то же время с оптимизмом подумал Зацепин, глядя на молодое, но уже мужественное лицо Меркулова. – Вот вроде него».

– На обед поедем, Игорь Николаевич? – оторвал майора от проблемных мыслей лейтенант.

– Что? Конечно, ты езжай, пообедай. Да, Серёжа, организуй в СМИ объявление насчёт свидетелей. Может, кто откликнется. И ещё, надо установить личность потерпевшей. И – снимай оцепление.

– Есть, товарищ майор!

6

В этот же день убитую девушку опознала её мать: она искала свою дочь с утра, обзвонила все морги и больницы города и... нашла. Она ждала следователя Зацепина в отделении у дежурной части. Сорока с небольшим лет, одетая в синий, вполне приличный брючный костюм, она сидела, опустив русоволосую стриженую голову. Без конца прикладывая к лицу носовой платок, поглощённая горем, мать убитой девушки тихо плакала. Она не услышала, как к ней подошёл Зацепин (он приехал вместе с Меркуловым).

– Анна Ивановна, – стараясь не напугать женщину, как можно мягче заговорил следователь. Женщина подняла голову. – Я майор Зацепин, Игорь Николаевич. Мне поручено вести дело об убийстве вашей дочери.

– Нина-Ниночка... Ей ведь и двадцати не было... – Мать убитой девушки в который раз всхлипнула.

– Я бы хотел с вами поговорить, но если вы не в состоянии сейчас...

– Нет, лучше сейчас.

– Тогда пройдёмте в наш, с моим помощником, кабинет. Лейтенант, пошли.

Следователь и Анна Ивановна стали подниматься по широкой лестнице на второй этаж.

– Я догоню, Игорь Николаевич!

Меркулов подскочил к дежурке. Дежурный капитан, сидящий за стекляннопластиковой перегородкой, тщательно причёсывал свои жидкие волосы.

– Эх! – с досадой выпалил Меркулов, оценивающе глядя на себя в отражающую перегородку. Он был одет в новую футболку и модные джинсы. – Боюсь, сорвётся нынче вечером моё свидание с прекрасной Элеонорой. Между прочим, учительницей русского языка и литературы.

– Ну и плюнь! – рыжий капитан хмыкнул. – На наш век этих Элеонор хватит. А вообще, Сергей, ты прав. С такой работой не то что личной жизни нет, её нет в принципе. На жизнь у нас, ментов, времени не хватает. Уйду я из органов. Вот сделаю одно дело и уйду.

– Бежишь с корабля? Кстати, давненько я тебя не видел. Болел?

– В отгулах был.

– Ну вот, а говоришь, времени на жизнь нету. Дай-ка причесаться. – Меркулов протянул руку в квадратное окно за расчёской.

– Не брезгуешь? Ну, подожди, я хотя бы волосы свои с расчёски уберу. Что за напасть: с детства, понимаешь, слабые волосы, чем я их только ни укреплял.

– Я не брезглив, Валера, не брезглив. Давай скорей. – Меркулов буквально выхватил у дежурного капитана из рук пластмассовую расчёску, оперативно навёл марафет на своей голове и рванул вверх по лестнице.

– А расческу вернуть?! Сергей! – крикнул было капитан ему вслед, но тут же махнул рукой. – Да и чёрт с ней.

Пышущий здоровьем лейтенант взлетел по лестнице, но в кабинет вошёл бесшумно, словно кошка, и тут же занял место за вторым столом. Так же бесшумно он, раскрыв свою неизменную папку, приготовил бланки для протокола, ручку и принялся записывать.

У Анны Ивановны Кучилиной начался разговор с Зацепиным.

– Анна Ивановна, как вела себя ваша дочь в последнее время?

– Бросив учёбу в институте, Ниночка совсем отбилась от рук. Работать она не хотела. Отец её, мой бывший муж, подкидывал ей денег, да и я всё время работала на двух, трёх работах. Ниночка ни в чём не нуждалась, но все свои карманные деньги оставляла в ночных клубах. Вот и вчера она со своей подружкой, Катей Семёновой, в этот «Улёт» в который раз пошла.

Клуб это такой – «Улёт. Последний раз мне позвонила за полночь, сказала, чтобы я не волновалась, такси она вызывать не будет, но её до дому проводят.

– Кто проводит?

– Сказала, солидный мужчина, не соплик какой-нибудь под кайфом.

– А подругу, Катю, оставила одну в клубе?

– Про подругу она ничего мне не говорила.

– Вы можете нам дать координаты Кати?

– Конечно... Улица Пушкина, дом семь, квартира девять. Ах, Ниночка, не углядела я за тобой... – Анна Ивановна вновь склонила голову, как там, у дежурки. Лейтенант Меркулов в мгновение бросился к ней со стаканом воды.

Зацепин встал из-за стола, подошёл к окну, раздвинул массивные шторы, открыл форточку. Хотелось курить. Уже два года как он бросил, сердечко пошаливало. Да, страшное дело – потерять своего ребёнка. Он подумал о Вике, в груди что-то сжалось. И она ходит на вечеринки и в клубы, и предупреждает, и просит не волноваться. Кстати, насчёт курения...

– Если вы курите, можете курить, – обратился он к женщине, которая вроде бы успокоилась.

– Я не курю. Ниночка моя смолила, выпившей частенько бывала, но, насколько я знаю, о чести своей не забывала, всё принца ждала. Может, она в том мужике принца и увидела – раз согласилась, чтобы он её домой проводил.

– Враги были у вашей дочери?

– Насколько знаю, нет.

– Вы помните, что на ней вчера было из украшений?

– Вроде помню.

Зацепин отворил небольшой сейф, вынул из него целлофановый пакетик с драгоценностями и положил его на стол.

– Эти украшения вашей дочери? Только, пожалуйста, ничего не доставайте.

– Да, её. Золотой гарнитур. Колечко и серёжки с камушками подарил ей отец на восемнадцатилетие. А серебряный крестик на серебряной цепочке подарила я, в церкви купила. Ниночка у меня крещёная.

– Серёжа, всё записал? Что ж, распишитесь. И всего вам доброго. Если хотите, вас подвезут.

– Я подвезу, – пообещал Меркулов.

– Нет, не надо. – Женщина расписалась в протоколе. Сгорбившись, она направилась к двери. – До свидания, – попрощалась она.

– До свидания, – почти хором попрощались майор и лейтенант.

Оба устало вздохнули, когда за женщиной закрылась дверь.

– Значит, Сергей, ты как представитель молодёжи завтра отправляешься в клуб. Ты не в курсе, он только по ночам работает?

– Утром и днём. Это обычная забегаловка, Игорь Николаевич.

– Вот с утра и забежишь. Какие задавать вопросы, учить тебя не буду. А я переговорю с подругой убитой, Катей Семёновой. А теперь по домам, лейтенант.

7

Игорь Николаевич Зацепин сидел в мягком, удобном кресле, правда, давно уже не новом, но всё ещё мягком и удобном, под сосульчатым торшером, таким же древним, но излучающим достаточно света для чтения. Он держал в руках городскую газету и пытался читать. Строки не шли на ум.

Зацепин нервничал, теребил седые усы. Раньше, когда он нервничал, то курил одну за другой дешёвые сигареты, без фильтра, теперь же щипал свои бедные усы (что портило его внешность, о которой он вообще мало заботился). Хотя ему было всего сорок семь, внезапная смерть жены состарила его лет на десять: он стал белым, как лунь. А тут ещё волнения за пропадающую допоздна дочь!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.